

18+

Александр Малов

**Лучший
из цветов**

Александр Малов
Лучший из цветов

«Издательские решения»

Малов А.

Лучший из цветов / А. Малов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645074-5

Все началось с загадочного убийства крыс на свалке. Потом затаившееся зло сгубило уличных собак. И вот, насытившись, чудовище вышло на улицы города, где теперь главной добычей стал человек. Однако монстр даже не догадывался, что пока кто-то сам начал охоту на зверя, кто-то сделает все, чтобы его защитить.

ISBN 978-5-00-645074-5

© Малов А.
© Издательские решения

Содержание

Лучший из цветов	6
АКТ 1	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лучший из цветов

Александр Малов

© Александр Малов, 2024

ISBN 978-5-0064-5074-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучший из цветов

АКТ 1

Пролог

В небе над ночным спящим городом взорвалась крохотная вспышка света, словно бракованная пиротехника. Разноцветный хлопок в воздухе был достаточно ощутимым, чтобы напугать пролетающую мимо птицу, но при этом совершенно тихим, чтобы иметь возможность стать замеченным хоть кем-то внизу.

За вспышкой последовало стремительное падение. Что-то крохотное и черное густой каплей устремилось напрямик вниз. Оно пикировало на землю, сокращая до нее расстояние с немыслимой быстротой. В такую темную ночь, как эта, едва ли можно было разобрать очертание этого неопознанного объекта. Но совершенно точно можно сказать одно – оно было живое.

И оно ощущало голод...

Глава 1

1

Николай Набоков мирно разгуливал по местной городской свалке. По своему обыкновению, делал он это в гордом одиночестве, полностью довольный таким положением дел. На дворе стоял солнечный августовский день. Тридцать первое число. Эдакий последний пазл, окончательно закрывающий красочную мозаику лета и кричащий всем и каждому: «Рубикон пройден! Назад дороги нет».

Мужчине казалось, что день ничем не отличался от уже минувших, таких же знойных и безоблачных, а главное – жарких августовских дней. Да, в этом году лето было особенно жестоким и безжалостным. Осень уже поджидала за углом, готовясь вводить свои правила и мечтая о своей очереди на сезонное престолонаследие. И все же это никоим образом не меняло положения дел. Даже в тени ртутный столбик термометра неумолимо удерживал позиции на отметке в тридцать пять градусов по Цельсию. В иных местах он и вовсе добирался до всех сорока. Чистое голубое небо больше не вызывало восторга, и каждый молился о появлении хотя бы небольшой кучки мелких и неприглядных облаков. О дожде не приходилось и мечтать. Июнь и июль стали настоящим испытанием для жителей города, и многие надеялись на снисхождение хотя бы в августе. Но... в конечном итоге их бесконечное разочарование могло сравниться разве что с их перманентным возмущением.

Последняя надежда на дождь догорала в лучах обжигающего солнца.

Как-то раз, в один из таких знойных дней, Николай наткнулся среди улицы на собачий труп. То явно была жертва беспощадной жажды, вызванной мощью убийственной жары. Впрочем, мужчина подумал, что мохнатый зверь крепко спит. Да, пускай пес «дремал» с высунутым бледным языком, замутненным взглядом пустых глаз и находился в крайне неестественной позе, нашего героя это нисколько не смущало. И даже больше, Набоков подошел к несчастному созданию вплотную, дабы проявить дружелюбие и почесать четвероногого зверя за ушком.

Присев рядом с трупом, Николай с детским восторгом монотонно проводил ладонями по голове и спине животного. Так продолжалось до тех пор, пока подушечки пальцев мужчины не наткнулись на что-то скользкое и влажное, прямо в недрах собачей шерсти. Оглядев свою руку с таким изумлением, как если бы Набоков увидел ее впервые в жизни, он быстро разглядел несколько извивающихся личинок. Часть из них, сплюснутая и сдавленная грубостью шероховатых мозолистых ладоней, так же подавала вялые признаки жизни.

Удивительно, но это «месиво» на пальцах совсем не испугало мужчину. Оно, скорее, напомнило Николаю нечто похожее на крем эклера из слоеного теста, которое он пробовал на ярмарке. Дело было прошлым летом на городской площади. Набокову ярмарка очень понравилась. Воспоминания нахлынули с такой силой, с какой смертельный ураган вырывал массивные деревья с корнем.

А может быть... всего на мгновение, вспомнить вкус этого изумительного эклера?..

Впрочем, когда Николай осторожно облизнул свою руку, дабы придать своим воспоминаниям более яркий окрас, знакомого сладкого вкуса крема он не ощутил. То был вкус кислый, тухлый и исключительно тошнотворный.

Мужчину привело это в крайнее замешательство. Заподозрив что-то неладное, он тут же подался к ближайшему прохожему за разъяснениями, которые, как считал сам Николай, он должен получить незамедлительно. Вердиктом стала неутешительная и жестокая правда. Жаль.

«Страж» городской свалки очень любил собак. Любил так сильно, что без всякой брезгливости похоронил труп пса в отдаленном уголке своего «мусорного королевства». Он было хотел изловить на собачьей шерсти каждого опарыша, собрать их в кучу и положить подальше.

Незачем этим, пусть и вонючим, но живым созданиям, прозябать в земле. Николай Набоков, как оказалось, любил каждую тварь одинаково.

Сейчас этот сердобольный мужчина шагал по территории свалки. Делал он это легко и непринужденно, прямо под палящим солнцем. Более того, ни одна капля пота не проглядывалась на его теле, равно как и хоть какие-либо иные признаки надвигающегося солнечного удара. Одежда мужчины была сухой, а кожа холодной. По необъяснимым причинам, величественное светило напрочь отказывалось связываться с Набоковым и вступать с ним в прямую конфронтацию, хоть и не раз до этого настойчиво предпринимало попытку за попыткой. Если бы Николай знал о том, что является невольным, но все же прямым участником какой-то неведанной ему борьбы с солнцем, он, вероятно, пришел бы в смущение.

Мужчина шагал медленно и нерасторопно. Спешить было некуда. Городская свалка, его «личное королевство», в это время дня совершенно пустовала. Набоков, не изменяя своим принципам, совершал ежедневные обходы с тем же важным видом, с каким спортсмены получают свои золотые медали, стоя на пьедестале почета и славы.

На вид Николаю было около сорока. Он имел средний рост и чрезвычайно худощавое телосложение, виной чему служили редкие приемы пищи и практически полное отсутствие сна. Впрочем, физический труд на свалке, вопреки здравому смыслу, придавал Набокову немало сил и делал его тонкую прослойку мышц необычайно крепкой.

Большие голубые глаза «мусорного стража» то и дело весело поблескивали, будто мужчина находился в состоянии постоянного алкогольного опьянения. Нижняя губа была неестественно большой и отвисшей, как если бы ее покусал десяток пчел. Болезненно красный цвет носа выглядел так, будто содержал в себе неприятнейшую респираторную инфекцию. Выражение лица Набокова было всегда недовольным и хмурым, хотя на деле это был один из самых добродушных жителей города. Редкие волосы на голове скрывала старая потрепанная шапка. Вещица обосновалась на макушке Николая еще прошлой зимой и явно была лишней в столь жаркое время года. Да только мужчине было в ней так комфортно и уютно, что даже мысль о том, чтобы снять этот головной убор, приводила Набокова в неопикуемый ужас. Довершали его образ выцветшая голубая футболка, заправленная с явным упорством в рваные спортивные темно-синие штаны времен СССР. Что касается обуви, то она вполне соответствовала представлениям Николая о том, какой должна быть обувь в подобный летний знойный день. Так, ноги мужчины были облачены в дырявые носки, а те, в свою очередь, надежно скованны резиновыми шлепанцами. Все, что при себе имел Николай, — деревянная палка в руке.

Напевая себе под нос простенькую и незатейливую мелодию, Набоков продолжал свой обход и был доволен собой как никогда. Такие мелодии были подобны использованной жвачке на раскаленном асфальте: намертво прилипали к языку на весь оставшийся день. Их простота была столь же очевидна, сколь и необъяснима. Волшебный капкан, против которого помогала лишь полная глухота или, быть может, огромное скопление серы в ушном проходе. Однако Николай Набоков не мучился потерей слуха, равно как и наличием твердых и плотных серных пробок.

Его недуг имел совсем иной характер.

Странные музыкальные мотивы, прилипчивые и заразные, цеплялись к мужчине часто. Если порыться в словаре и найти определение слова «странно», то рядом, скорее всего, должна была красоваться фотокарточка самого Николая Набокова. Однако, о здравомыслии одинокого «стража» городской свалки было судить столь же дико, сколь дико судить о зоркости глаз слепого. Нет, такие мерилы в случае с Николаем теряли всякий смысл, потому как он вовсе не был странным.

Николай Набоков страдал контузией.

История Николая была особенно удручающей, пусть и банальной. А что может быть банальнее человеческой халатности? Этим вопросом задавались все рабочие строительной бригады, в которой Набоков работал в тот роковой день. Строительный мусор, транспортируемый на подъемном кране, был закреплен недостаточно крепко, что привело к закономерным последствиям. Николай Набоков находился как раз в том самом месте, где строительный мусор совершил свою незапланированную и экстренную посадку. И пускай строительная каска спасла мужчину от гибели, но умственные способности будущего «короля свалки» головной убор уберечь не сумел.

С того момента прошло уже девятнадцать лет. За это время Николай никогда не чувствовал себя несчастным. Поразительно, но калека уже давно перестал ощущать реальное течение времени, а также собственное незавидное положение.

Периодически мужчину навещала тетка – единственный родственник. Она приводила коморку Николая в более-менее божеский вид. Мужчина жил один на пенсию по инвалидности, питался консервами и полуфабрикатами. Набоков много пил. Скорее, по старой привычке, нежели по необходимости.

И, конечно же, все свободное время калека проводил на свалке. В основном, потому что там было тихо, а после контузии «страж мусорных гор» очень боялся каких-либо громких и резких звуков. Другой же причиной интереса к мусору послужила внезапная любовь ко всему сверкающему и блестящему. Например, Николай Набоков мог часами рассматривать осколки стекла от пивной бутылки. Поверьте, ничто на свете не доставляло ему большего удовольствия, чем данное времяпрепровождение. Стекло и разного рода металл Николай мог сортировать весь день, чем очень выручал работников свалки. Собственно, именно поэтому, не считая жалости к контуженному, ему позволяли гулять по «мусорному царству» днями напролет.

Поначалу, в конце рабочего дня Набокова неизменно хвалили за проделанную работу. Делали это работники чересчур артистично, но мягко. Позже к нему попросту привыкли, но отношения не изменили. Николая в городе знали многие, и если бы кому-то предоставили возможность охарактеризовать этого чудака одним единственным словом, то, несомненно, таким явилось бы емкое и твердое—«беззлобный». Забавно, но люди часто думали, глядя на калеку: злополучная травма превратила Николая Набокова в человека, лишённого злобы. Поражение организма, словно неизвестная форма рака, сожрало и поглотило именно ту долю мозга, которая отвечала за агрессию. Так была ли контузия травмой в ее естественном понимании, или же она, напротив, наградила человека тем, что так редко можно разглядеть в брате нашем ближнем – искренней и безусловной добротой?

Помимо прочего, калеку на свалке неизменно подкармливали. Было в этом что-то до боли жалкое, но мужчину это вполне устраивало. Ел Николай мало, а остатками всегда делился с местными бездомными собаками, которых приручил.

Как уже было сказано ранее, «страж» городской свалки очень любил собак.

3

Николай Набоков как раз заканчивал свой ежедневный обход. Мужчина размахивал палкой, представляя ее острой шпагой, которая как нельзя лучше дополняла образ «стража», пусть и мусорного, «королевства». Для прочих работников наступило время обеда, и все собрались в строительном вагончике, а сам Николай находился в одном из отдаленных кварталов свалки. Калека был совершенно один.

И тут, в нескольких метрах от себя, Николай услышал какой-то звук. Мужчина отреагировал на него молниеносно, даже с неким предвкушением. В своем воображении он уже представил себе нарушителя, что проник на его территорию. Обычно то были крысы, завсегдатаи таких мест. Для пушного эффекта в голове Набокова они были размером с кабана, имели толстый непробиваемый хвост и острые, как бритва, передние зубы. Этих исполинов калека то

и дело гонял палкой по всей территории свалки. Для него это была в равной степени забава, и одновременно – священная миссия.

Конечно, на деле Николай никогда не убивал крыс, даже если загонял их в угол, а за годы тренировок у него это получалось особенно хорошо. Нет, контузия сожрала всю злобу внутри мужчины так же основательно, как эти самые крысы сжирали тонны тухлых объедков.

К удивлению Набокова, источником шума оказались вовсе не крысы. Присмотревшись получше, мужчина заметил в метрах десяти от себя зверя куда крупнее зловредных грызунов.

Да это же Федя!

И, действительно, перед Николаем, спиной к мужчине, греясь на солнце за кучей металлолома и прочего мусора, расположился один из местных псов по кличке Федя. Это был небольшой беспородный представитель собачьего племени, черношерстный, с уныло висящими ушами – еще не взрослый пес, но уже не щенок, эдакий собачий подросток. Правда, в последнее время Федя хворал. Собаки часто цепляли на свалке какую-нибудь инфекцию. Большинство переболевало и выживало.

Прочим везло меньше.

– Федя-я-я! Эгегей! – протяжно воскликнул Николай, но из его уст это прозвучало больше как мычание, нежели что-то четкое и осмысленное. Калека имел привычку говорить по два-три слова, остерегаясь длинных предложений.

К удивлению Набокова, Федя не только не откликнулся на зов своего старого друга, но и вовсе не подал каких-либо признаков жизни. Лишь на мгновение пес как-то неестественно дернулся. Николай сослался на то, что собака предалась дневному, пусть и тревожному сну. Мужчина уже было собрался побрести прочь, как вдруг тело лежащего пса содрогнулось снова. На этот раз судорога была такой сильной, что пес буквально воспарил над землей и с глухим звуком припал к ней. В то же мгновение тело резко и беззвучно исчезло за мусорной кучей, оставив на земле след.

Кровавый след.

Николай впал в настоящее оцепенение. Рука, сжимающая деревянную палку, затряслась в нервном тике. Лицо мужчины вытянулось, а нижняя губа, казалось, это было невозможно, оттянулась вниз еще сильнее.

– Федя! – промычал контуженный, не скрывая испуга в голосе.– Федя-я-я!

Глаза Набокова нервно забегали по сторонам. Мужчина оближал верхнюю губу и, выдавив из себя нечто неразборчивое, пригрозил палкой невидимому врагу, показывая свои самые смелые намерения. Послышался громкий звук... омерзительный и до ужаса неприятнейший булькающий звук. С таким звуком всхлипывает несчастный, чье горло перерезают острым лезвием.

Бульканье настолько сильно вьелось в расшатанное сознание Николая, что тот, бросив палку и закрыв уши ладонями, начал завывать от страха и отчаянья. При этом контуженный нашел в себе силы сдвинуться с места. Вопреки здравому смыслу, который страж городской свалки привык обходить стороной, Набоков направился не «от», а прямо-таки «к» источнику тошнотворного бульканья.

Осторожно завернув за кучу, Николай встал, как вкопанный, и изумленно открыл рот. Самые разные мысли обуревали мужчину в этот момент. Контуженный в миг представил образ огромного комара, который набросившись на Федю, проткнул его своим огромным хоботом и высосал кровь без остатка. В воображении Николая появилась и пиявка, огромная, склизкая и извивающаяся. Пасть ее представлялась настолько широкой, что она могла бы без труда за секунды высосать кровь целого слона, не говоря о человеке, и уж тем более о собаке.

Причиной всех этих образов стал Федя. Точнее то, чем он стал. Любой очевидец, застав эту картину, с уверенностью сказал бы, что на свалке собака пролежала под лучами палящего

солнца по меньшей мере неделю. Однако еще каких-то два часа назад своего четвероногого друга Николай видел вполне живым и здоровым.

Собачий труп, второй за это лето на счету Набокова, неподвижно лежал на земле. Теперь то была и не собака вовсе, а иссушенная мумия. Федя уменьшился в своих размерах по меньшей мере вдвое. Обезвоженное тело напоминало сухой пергамент, обволакивающий выступающие жилы, кости и мышцы бедного зверя. Тело окаменело и приобрело некую зловещую твердость и угловатость. Шерсть собаки будто слиплась. Покрытая слоем грязи и пыли, она совсем перестала походить на шерстяной покров, но превратилась в подобие драконьей чешуи. Иссушенная морда застыла в гримасе ужаса. Особенно выделялись передние клыки. Теперь, на фоне мумифицированного сморщенного черного тельца, они казались особенно белоснежными и сверкающими.

Вместо глаз Феди теперь виднелись два впалых кратера.

Неожиданно труп снова содрогнулся в конвульсиях. На этот раз все было иначе. Сквозь тонкий слой натянутой на скелет кожи отдельные клочки шерсти вдруг зашевелились. *Внутри* Феди что-то двигалось. И пока Николай отчаянно хватал своим ртом воздух, неведомая тварь прорывала себе ход сквозь органы и мышцы напрямиком к голове.

И вот из глазниц собаки выползло нечто. Набокову не хватило бы слов, чтобы описать эту мерзость, равно как и не хватило бы жизни, дабы описать весь свой ужас. В безмолвии «нечто» наблюдало, как калека с воплем побежал прочь, после чего вернулось к своей трапезе.

В конце концов, внутри собаки еще оставалось немного крови.

Глава 2

1

– Давай, Юрец! Засунь ему эту шапку в... глотку!

Юрец, он же Юрий Рамзин, не сразу отреагировал на предложение своего приятеля. Для этого старшекласнику потребовалось определенное количество времени. Собирать посыл чужих слов в цельное и осмысленное предложение для этого подростка было задачей не из простых. Куда проще ему было воспринимать короткие, но четкие и прямые команды типа «Юрец, бей!», «Юрец, шухер!» или «Юрец, палево!»

На мгновение лицо Юры вытянулось. Взгляд, какой можно было увидеть в учебниках древней истории на картинках с изображением пещерных людей, передавал всю пустоту черепной коробки подростка. Ржавые шестеренки в голове пятнадцатилетнего школьника со скрипом приходили в движение.

Это был рослый подросток с темными грязными волосами, выпирающей челюстью и, как было сказано ранее, совершенно крошечным мозгом. Череп Юры явно давал понять, что громиле достались все признаки древних приматов. Это было хорошо заметно по форме головы, крупная лицевая часть которой явно доминировала над крохотной мозговой. Конечно, за время пребывания в школе умственные способности Юры давно обогнали интеллект среднестатистического голубя, но при этом едва ли могли соперничать с мозгом белки.

– Юрец, не копошись! Живее!

– Да ща, ща, Тоха!

Приятель Юры, который был уже вне себя от предвкушения и почти переходил на визг, заслуживает внимания не меньше, чем его туговатый друг. Тоха, или Антон Сокольников, был полной противоположностью своего товарища. Он настолько отличался от Юры, что это не могло не бросаться в глаза. Если бас Рамзина отдавался эхом по всему школьному коридору, то Сокольников родился на свет с самым невообразимым тенором среди всех сверстников на планете. Антон был вдвое, если не втрое, ниже своего друга и казался совсем ребенком, пусть на деле ему тоже было пятнадцать. Он был белобрысым, имел круглую форму лица, оттопыренные уши, крысиные глазки и чересчур выпирающие передние зубы.

Два неразлучных персонажа, явное перевоплощение тигра Шархана и шакала Табаки, продолжали показывать всему миру свои мерзкие и подлые качества, которые только могли показать школьники, будучи отпетыми хулиганами.

– Шапка, Юрец, шапка!!!

– Ща, ща!

Наконец, Рамзин, в полной мере осознав, что говорит его товарищ, сумел-таки зафиксировать взгляд на обычной и ничем не примечательной вязаной шапке, валявшейся на полу. Впрочем, куда интереснее шапки был мальчик, который так же лежал на полу школьного коридора с разбитым носом, и на котором как рази восседал сам Юра, чрезвычайно довольный своим доминирующим положением.

Шоу началось.

2

Первая неделя сентября еще не успела подойти к концу, а Лев Лебедев снова вляпался в очередную неприятность. Она ворвалась в жизнь школьника в лице Юры Рамзина и Антона Соколового. Будет не лишним сказать, что эти двое были завсегдатаями жизненных неудач Лёвы с тех самых пор, как он перевелся в новую школу, однако мальчику казалось, что за время летних каникул они позабудут о его существовании или, что было бы весьма кстати, найдут себе более увлекательное, а, главное, полезное занятие. К сожалению, задиры не только не пре-

кратили свои нападки, но и усилили напор потока своей агрессии во много раз. Ожидать иного исхода при встрече с этими малолетними изуверами было слишком самонадеянно.

Леву «взяли на мушку» в первый же день перехода в новую школу. Изначально все ограничивалось унижительными смешками и стебом за спиной новенького, но со временем снежный ком издевательств только разросся.

Постепенно малолетние негодяи расширили свои границы дозволенного. Сокольников придумал новые и изощренные оскорбления. Он, не стесняясь, выкрикивал их в коридоре, столовой и главном холле школы. Хулиган, правда, каждый раз озирался, нет ли поблизости учителей или директора. Антон был из породы тех, кто смелый лишь за широкой и массивной спиной товарища по типу Юры Рамзина. Такой бы никогда не набрался храбрости стать задирой-одиночкой. Трусливая натура этого бы не позволила. Сам здоровяк же редко донимал Леву словесно. Для этого у него, на манер отсутствия храбрости у Соколова, не хватало кое-чего иного – мозгов. Зато Рамзин был не прочь грубо толкнуть плечом Леву или проявить другую «незначительную», но очевидную физическую агрессию.

Очень скоро Лебедева почти на каждой перемене начали обзывать жирным, рыжим и очкастым уродом. Судите сами, бедный мальчик имел все атрибуты для того, чтобы стать идеальной жертвой школьных хулиганов. Полное телосложение, необычный окрас волос и череда веснушек на лице, очки с толстыми линзами... вкуче с мягким и пугливым нравом Левы – настоящий джек-пот для любого отпетого хулигана. Однако сегодня Лебедев был как раз-таки уверен, что ребята перестанут его донимать. Мальчик считал, что у него все предусмотрено. План Левы предусматривал наличие шапки, как самого главного и мощного оберега от задиры. А потому, тот факт, что ему собирались засунуть головной убор прямо в рот, очень удивил школьника. Это никак не соответствовало его плану.

Лев Лебедев, действительно, имел излишки веса и рыхлое тело. Очки в старомодной оправе тоже не придавали парню брутальности. Что касается волос, то они имели не просто рыжий цвет, а ярко-огненный оттенок. Лева еще не встречал в своей жизни людей с таким же цветом волос. В какой-то момент мальчик даже уверил себя в том, что с его волосами и правда что-то не так, и, может быть, он, действительно, достоин порицания со стороны хулиганов.

И вот у Левы созрела, как ему казалось, гениальная идея. Подросток рассудительно подметил, что если прикрыть свою кудрявую рыжую шевелюру плотной вязаной шапкой, то ребята успокоятся. План, как могли бы многие заметить, имел свои тонкости и слабые стороны. Выявление этих самых сторон сейчас и наблюдала толпа ребят, собравшись на потасовке в школьном коридоре.

Стоило Леве показаться в вязаной шапке среди толпы подростков, и Лебедев тут же стал центром всеобщего внимания. Он рассчитывал на противоположный эффект, надеясь на неприметность и скрытность, но судьба распорядилась иначе. Находясь в помещении в шапке, да еще и в такую жару, подросток обрек себя на пристальные взгляды и насмешки ровесников. Для хулиганов же Лебедев превратился и вовсе в лакомый кусочек.

Встретившись в коридоре с Рамзиным и Сокольниковым, под угрожающий взгляд первого и визгливый хохот второго, Лева прошел мимо, отведя взгляд. Надеясь избежать конфликта, Лева не мог сдержать улыбку.

Это была ошибка.

Так сложилось, что у Юры Рамзина день не задался с самого утра. Игорь, старший брат мальчика и единственный близкий родственник, довольно в жесткой и грубой форме указал подростку, что если еще раз французский бульдог Юры по кличке Киллер нагадит в гостиной, то младший Рамзин съест это дерьмо. Ну а в этот раз... Игорь просто размазал фекалии Киллера по лицу своего брата. Конечно, это травмирующее, постыдное и ужасное событие Юра предпочел поскорее забыть. И все бы ничего, но именно в тот момент, когда воспоминания

об этом кошмаре вернулись к Рамзину, навстречу шел Лев Лебедев. И улыбался. Почти смеялся.

Юра был уверен, что именно над ним.

Мгновением позже, Рамзин со всей силы ударил Лебедева прямо в нос. Лева тут же повалился на пол, а Юра, оседлав своего оппонента с непривычной для такого бугая ловкостью, миг собрал вокруг себя толпу, предвкушавшую что-то зрелищное и захватывающее.

Дети бывают порой слишком жестоки.

3

Некоторые кричали. Кто-то побежал за учителем. Однако большинство предпочли снимать происходящее на камеру своих смартфонов. Через объектив камеры можно было легко разглядеть двух подростков, лежавших на полу школьного коридора: рослого и сильного, полного и слабого.

– Я принес шапку. Я...

Очередной удар в переносицу выбил из Левы все слова. Послышался хруст оправы очков. Из глаз тут же брызнули слезы, что вызвало улыбку у Рамзина и дикий хохот у Сокольников. Но причиной слез мальчика была не боль, Лева лежал с разбитым носом в полном непонимании происходящего. Шапка! Ведь он принес в школу шапку! Мысль о том, что его план провалился, ударила по Лева сильнее, чем размашистый удар верзилы.

Дыхание перехватило. Крики окружающих детей напугали мальчика. Лева начал кричать. От неожиданности ему стало страшно. Он не пытался сопротивляться. Он попробовал что-то сказать сквозь слезы и струйки крови, что стекали из ноздрей прямо в рот, но Рамзин не оценил попытки. Напротив, он еще больше разозлился и собрался уже было ударить снова, но тут вспомнил о шапке и словах Антона.

Шоу продолжалось.

Обхватив щеки Левы твердыми пальцами, Рамзин с легкостью сдавил их так, что мальчик непроизвольно открыл рот. Леву буквально трясло от страха. Резкие удары, крики, падения – все это в высшей степени пугало.

«Бабулечка, пожалуйста, забери меня!»

В этот момент мальчику очень сильно захотелось убежать к своей бабушке. Она никогда его не обижала, и его рыжие волосы никогда ее не злили.

– Я принес шапку... я при..., – выдавливал из себя Лева в бессмысленных попытках образумить здоровяка.

Но вместо этого Юра начал грубо и резко пропихивать вязаный головной убор прямиком в глотку бедолаги. Очевидцы могли поклясться, что в этот момент Сокольников разразился таким тонким смехом, что окна в коридоре начали вибрировать, как если бы их задела мощная ударная волна.

Никто не спешил на помощь несчастному Лева. Все вдруг замолчали. Подростки лишь наблюдали, как Лебедев бьется в судорогах от нехватки воздуха, и как пропитывается кровью шапка мальчика. Может быть, сверстники и помогли бы Лева... если бы знали его лучше. Никто не догадывался о том, что Лев Лебедев вовсе не был дураком, он просто зачастую был не сосредоточен и порой находил весьма странные решения жизненных проблем.

Как, например, прийти в вязаной плотной шапке.

И, конечно же, никто из этих детей не знал, что в этот самый момент Льву Лебедеву было страшно так сильно, как не было страшно никогда в жизни, потому что в этот момент он подумал, что умрет и никогда не увидит свою бабушку, единственную, которая от него не отвернулась и решила растить, как собственного ребенка. Пусть даже Лев Лебедев был особенным ребенком.

Лев Лебедев был...

Внезапно голову Рамзина отбросило в сторону. Из толпы школьников показался новый, но далеко не последний участник развернувшейся сцены. С разбега он пнул громилу по лицу так сильно, что его самого повело в сторону, и, потеряв равновесие, он сам упал на пол. Теперь посреди коридора лежали трое: Лебедев, Рамзин и герой, спасший Леву в момент, когда это было необходимо.

Это побудило толпу буквально взорваться от накала страстей. Первым поднялся незнакомец. Вторым, медленно и нерасторопно, встал Юра. И только Лева остался лежать на полу, захлебываясь в рыданиях и крике.

Все переводили взгляд с Рамзина на нового внезапно объявившегося персонажа. Даже Сокольников, вечно выкрикивающий гадости с безопасного расстояния, вдруг заткнул свой грязный рот.

Дотронувшись пальцами до разбитой губы, Рамзин громко сплюнул и произнес:

– Ща я тебя урою. Ты – покойник.

Шоу подходило к своей кульминации. Но из всех детей в толпе одна девочка была шокирована увиденным больше всех. Потому что всю эту сцену она уже видела.

В своих картинах.

Глава 3

1

Когда-то на месте городской свалки находилось небольшое предприятие по деревообработке. Непримечательный провинциальный городок, в котором происходят эти события, был довольно молодым по меркам подобных населенных пунктов. При его заселении многие участки были еще не тронуты беспощадной рукой урбанизированной машины. И хотя по мере роста населения в городе и внедрения различных промышленных процессов прошло немало времени, тот клочок земли, где было воздвигнуто деревообрабатывающее предприятие, оставался почти не тронутый цивилизацией до самого конца.

Лесопилка была неким придатком города. Где-то на краю, куда не доходил ни гул автомобилей, ни свет магазинных вывесок. Предприятие жило своей жизнью. Лишь болотистая местность, заросшие тропинки и разношерстная община деревьев и высокой травы вокруг – вот, что вставало стеной на защиту лесопилки от внешнего мира.

Вскоре предприятие прикрыли. Еще долгое время на месте деревообрабатывающей зоны был расстелен ковер из опилок на земле, а воздух был пропитан специфическим ароматом древесной стружки. И хотя после все постройки лесопилки были снесены, болото высушено и завалено землей, а большая часть леса вырублена, запах обосновался здесь окончательно и бесповоротно.

И как бы не любил Николай Набоков этот аромат обработанной древесины, сегодня, впервые за долгие годы, он его совершенно не чувствовал. Окутанный тревогой, страхом и возмущением, контуженный то и дело озирался через плечо, быстрым шагом рассекая груды мусора. Из-за чрезмерно торопливой походки, «страж» городской свалки начал немного прихрамывать.

Мужчина что-то бормотал себе под нос. Теперь это были не прилипчивые мелодии, а невнятные бормотания, которые невозможно было разобрать. Николай шел и грозил пальцем какой-то незримой сущности, но делал это так горячо и напористо, что в его решимости не было никаких сомнений. Решимость Набокова была, действительно, непоколебима.

На его «королевство» совершено грязное нападение! Федю, его горячо любимого друга и верного сторожевого пса, придали жестоким мучениям и страшной смерти! А самое возмутительное было то, что сам Николай ничего не смог с этим поделать! Подобные мысли на повторе прокручивались в затуманенном сознании контуженного мужчины. Набоков не знал, кем был его враг. Не знал он и на что, тот был способен. Но Николай точно знал, что должен защитить свою свалку, и горе тому, кто встанет у него на пути.

Добросердечный, но раненный в сердце самым ужасным образом калека, приготовился к битве.

2

О произошедшем мужчина предпочел умолчать. Во-первых, калека хорошо знал, что его рассказу едва ли поверят. Николаю вообще частенько мерещилось то, чего не описали бы даже самые смелые фантасты. Но то было последствием контузии вперемешку с крепким алкоголем в крови, и являлось тем, на что не следовало обращать должного внимания. Однако сегодня все было иначе. Во-вторых, Николай был убежден в том, что он, и только он единолично и самостоятельно должен избавиться от этой мерзости, что поселилась в самом сердце дорогой ему свалки.

Одним словом, решение было принято. Наконец, Набоков добрался до небольшой коморки с инструментами. Для него доступ к помещению был открыт. Персональный ключ от замка всегда был при калеке. Конечно, поначалу рабочие опасались оставлять Набокова наедине с колющими и режущими приспособлениями. И тем не менее, мужчина в очень корот-

кий срок завоевал доверие работяг, продемонстрировав и аккуратное обращение с инструментами и, одновременно с этим, креативную часть своей натуры.

Так, Николай Набоков изобрел приспособление, которое в значительной степени облегчило сбор мусора с высоких поверхностей. Это была длинная металлическая труба, скрепленная на одном конце изолентой и проволокой с металлическим крюком от фаркопа. Все эти детали, как нельзя кстати, были в свое время найдены калекой в недрах этой самой свалки. Наконечник фаркопа, к великой удаче, был сломан таким образом, что превратился в настоящий заостренный кусок изогнутого железа. Этим незатейливым приспособлением Николай доставал мусор с высоких поверхностей. Такой подход не раз выручал Набокова. Теперь несложному в своем обращении инструменту предстояла работа иного рода.

Совсем иного рода.

Помимо палки-крюка, мужчина снарядил себя штыковой лопатой и куском прочной веревки длиной около пяти метров. Николай пожалел лишь о том, что в подсобке нет емкости с горючим. Набокову хоть и оказывали определенное доверие, но доступа к воспламеняющимся предметам у него не было.

На свалке устроить пожар было слишком просто.

– Ух, паразит! – грозно пробубнил Николай и, вооружившись лопатой в одной руке, палкой-крюком в другой, а также веревкой, обвитой вокруг талии, отправился на битву. – Паразит! Я тебе задам. Ух, я тебе задам!

По дороге к тому месту, где был обнаружен труп Феди, Николай шел так же уверенно, как позорно бежал оттуда в панике и страхе. Очередная мелодия всплыла из недр сознания калеки. Но теперь мотивы были бодрыми, стремительными и тревожными, словно Николай был героем остросюжетного триллера.

На середине пути ему встретился один из рабочих городской свалки, но Набоков был так поглощен предстоящей битвой, что совершенно не обратил на него внимания. Впрочем, причуды калеки местным были хорошо известны. Работяга даже не удивился, когда увидел Николая в подобном трансе, напевавшего себе что-то под нос с инструментами в руках.

– Коля, хороших тебе поисков! Только не поранься! – прозвучало за спиной Набокова с такой искренностью, на которую были способны только люди, хорошо знающие калеку. – Ты нам живой нужен! Удачи!

Но Николай этих напутствий не услышал.

3

Труп Феди покоился на том же месте, где его застал Набоков перед своим позорным бегством. Мертвое тельце казалось еще более тощим и высушенным. Николай, воткнув лопату в землю и прочно обхватив палку-крюк обеими руками, медленно продвигался к собаке. Сопровождая свои осторожные шажки быстрыми взглядами по сторонам, калека походил на диковинного аборигена, который подбирается с копьем к израненному дикому зверю.

Совершив несколько неуверенных тычков в живот собачьего тела, Набоков убедился, что внутри никого нет. Былые судороги трупа не повторились, а густое желеобразное «нечто», что еще не так давно выглядывало из пустых глазниц Феди, нигде не было видно. Казалось, опасность миновала. Однако враг не дремлет и может быть поблизости, а потому Николай не ослаблял своей бдительности. И все же, подбравшись к Феде практически вплотную, гнев вечно доброго и безобидного калеки уступил место нахлынувшей скорби и печали.

Набоков опустился перед собакой на колени и нежно провел ладонью по ее спине. Труп собаки оказался необычайно твердый, словно за считанные минуты измученное создание обратилось в настоящий камень. Нижняя губа мужчины задрожала. Он простонал, а глаза его стали наполняться слезами.

Внезапно послышался шум. Николай с криком поднялся на ноги так быстро, насколько позволяло его состояние. Он уже был готов пустить свое орудие в бой, но это оказалось ни

к чему. Из-за ближайшей груды мусора вышли несколько разношерстных дворняг. Завидев своего старого друга, они радостно завиляли хвостами. При этом их шерсть стояла дыбом, уши были прижаты к голове, а суетливые движения и поскуливания выдавали крайнюю нервозность. Некоторые из псов то и дело принюхивались к воздуху вокруг, словно пытались определить степень угрозы.

Присутствие верных четвероногих товарищей, многих из которых калека подкармливал с первых дней их жизни, заставили его окончательно размякнуть. Вытянув нижнюю губу еще сильнее, с выражением детской обиды на лице, Набоков побрел к ближайшей дворняге. Заключив ее в объятия, мужчина какое-то время тихо и печально выл. Это, в свою очередь, подвигло дворовых псов ответить Николаю своим не менее горьким и душераздирающим поскуливанием.

Оплакивание Феди было закончено. Калека решил, что сейчас здесь достаточно безопасно, чтобы ослабить свою бдительность. Собаки не боялись находиться в этой части свалки, а, значит, враг скрылся. Если что-то Набоков и знал о своих верных мохнатых товарищах, так это то, что их инстинкты и нюх заслуживают доверия.

Сегодня лопата не пригодилась Николаю в бою, но она поможет похоронить друга. После этого Набоков продолжит свой обход. Теперь он будет не один. Объединенные мстью, контуженный мужчина и свора грязных дворняг, были готовы отстоять свой общий дом. Это было не началом битвы.

Это стало началом войны.

Глава 4

1

В кабинете заместителя директора находились четверо: взрослый рассерженный мужчина, двое мальчишек, имевших настолько различный характер и судьбу, что их встреча в одном помещении казалось нонсенсом, а также девушка, которая искренне считала, что ее здесь быть не должно.

Девушка обладала даром предвидения.

Мужчина, Андрей Константинович Залезный, являлся заместителем директора школы уже почти два года. Расположившись в кресле у рабочего стола, он с серьезным видом размышлял о чем-то настолько важном, что зачастую выпадал из окружающей его реальности. Залезный был одет в черные брюки, черные туфли и нежно-голубую накрахмаленную рубашку. Это был высокий мужчина с пронзительными голубыми глазами и кучерявыми темными волосами. Его прямой нос и тонкие губы в сочетании с выразительными скулами и бледной кожей создавали образ человека из высшего сословия. Таковым могли счесть Залезного двумя веками ранее. Сейчас же про таких мужчин говорят довольно просто и лаконично — красавчик.

Двое подростков пятнадцати и четырнадцати лет сидели в кабинете напротив Залезного. Тот, что постарше, Илья Кустов, выглядел немного взволнованным. Однако привыкший всегда и везде оставаться спокойным и невозмутимым, мальчик пытался и здесь вести себя уверенно. Он бы одет в летний бежевый пуловер, облегающий его крепкие мышцы, светлые джинсы и спортивные кеды. Илья имел недурственную внешность. Русый цвет густых волос придавал серому оттенку глаз бездонную глубину. Удлиненная стрижка как нельзя кстати прикрывала слегка оттопыренные уши. Кривоватый нос смотрелся вполне пристойно на длинном овале лица. Сейчас на лице школьника ярко выделялись свежая ссадина на левой щеке и разбитая нижняя губа. Мощный подбородок выглядел слишком большим, но, тем не менее, придавал мальчику мужественности. Одним словом, каждый недостаток во внешности подростка с лихвой перекрывался притягательной изюминкой.

Четырнадцатилетний Денис Бурунов, в отличие от Ильи, не имел признаков побоев на лице. Он был самым обычным, вполне неприметным школьником. Его внешность казалась настолько серой и размытой, что, пройди мимо него на улице хоть сотню раз за день, описать Дениса было бы трудно, даже если напрячь мозг до предела. Одежда была такая же невыразительная: черная толстовка с капюшоном, темные джинсы и кроссовки. Но, несмотря на всю «обычность», лицо мальчика вызывало необъяснимое отвращение. Нет, Денис не имел никаких внешних уродств, однако его вечная ухмылка и надменный взгляд, вкупе с периодически всплывающей на поверхность озлобленной гримасой, делали его крайне неприятным. Несомненно, Денис Бурунов был очень хитер и опасен. На самом деле, вышеупомянутые Рамзин и Сокольников не были хулиганским дуэтом. Это было трио.

И Денис в нем был вожаком.

Наконец, пора перейти к прекрасной части этого квартета. Алина Мышкина скромно сидела на кожаном диване в конце кабинета и нервно перебирала пальцы. Волнение и страх — все, что сейчас испытывала школьница.

Девочка была твердо уверена, что ей здесь не место. С одной стороны, она оказалась здесь по собственной глупости, проявив инициативу и рассказав об инциденте. С другой стороны, нельзя было бездействовать, позже на смену глупости могло прийти осознание малодушия. Ей пришлось выбирать: либо быть очень смелой, либо проявить привычную трусость. Выбор определил течение дальнейших нескольких месяцев, о которых она задумается еще не раз.

Девушка была весьма недурна. Ее даже можно было бы назвать симпатичной, если бы не замкнутость и куча комплексов. Такие вещи любую девушку делают незаметной тенью,

не дав шанса раскрыться их личности характерными оттенками. Потому прямые каштановые волосы Алины казались слишком тусклыми, лицо слишком серым, а походка— неуверенной и скованной. Даже миленькая яркая футболка и обтягивающие штаны смотрелись на девушке как-то блекло и невыразительно.

Однако, главная причина, по которой Алина Мышкина старалась держаться от людей в стороне, был ее особый дар. Ее тайна. Ее проклятье. Он передался девочке от прабабки по женской линии. Говорили в свое время, что старуха предсказывала будущее, гадала на кофейной гуще и общалась с умершими. А еще она умела делать такое ядреное пойло от похмелья, что все деревенские мужики знали ее адрес наизусть. Что ж, у Алины с этим было все иначе. Она боялась своих видений и старалась не обращать на них внимания. Но они возникали все чаще и чаще. Так, еще вчера вечером девочка, не осознавая этого, нарисовала окровавленные разбитые очки. Очки Льва Лебедева.

А сегодня...

Пришла пора разобраться в сути происходящего.

2

— Расскажи еще раз, Илья, что там у вас произошло, – устало произнес Андрей Константинович, глядя в окно своего кабинета и методично потирая переносицу.— Только говори четко и по делу. Мне нужны факты, а не эмоции. Шума мне после вас и так хватает...

Илья, облизнув разбитую губу, с привычной для него бодростью, принялся вновь рассказывать свою версию событий:

– Мы шли с классом в кабинет химии. У нас там должен был быть следующий урок. По пути мы услышали какой-то гул, но думали, это опять младшеклассники бегают по коридору. Когда мы подошли поближе, то увидели потасовку. Толпа. Драка. Я бы сказал – избиение. Я не видел, с чего все началось, но, по-моему, все очевидно.

– И что же тебе очевидно? – со вздохом произнес Залежный усталым тоном человека, который хотел бы в эту самую секунду оказаться где угодно, но только не в кресле собственного кабинета.

Илья, мельком взглянув на Бурунова, который, казалось, ко всему проявлял насмешливое безразличие, с кривой улыбкой на лице ответил:

– Да то, что Рамзин замучил бедного парня чуть ли не до смерти.

– Так, таких слов мы тут не говорим...

– Но это правда, – спокойно, но твердо возразил Кустов.— Вы сами видели состояние парня.

После небольшой паузы Андрей Константинович спросил чуть громче обычного, обращаясь ко всем и ни к кому одновременно:

– Все так и было? Вы все видели одно и то же? Или, может, кто-то все видел с самого начала?

– Да это было натуральное избиение, а не...

– Кустов, я сейчас обращаюсь не к тебе.

Денис, усмехнувшись, тупо уставился на свои кроссовки и, сунув руки в карманы толстовки, предпочел хранить молчание. Алина же не обладала такой же внутренней стрессоустойчивостью. Как только Залежный поднял на девочку вопросительный взгляд, трусиха тут же принялась за объяснения:

– Рамзин, действительно, начал первый, – голос Мышкиной дрожал.—Мы как раз стояли с девочками в коридоре. Лева шел навстречу ребятам. Они с Сокольниковым...

– Они с Сокольниковым и до этого шпыняли бедолагу! —тут же твердо вставил Илья, взглянув на Алину ободряюще, словно пытаясь показать, что здесь у нее есть поддержка в его лице.

Лицо девочки тут же залилось краской. Все-таки Илья Кустов был единственным приятным бонусом, который достался Алине в этой неприятной ситуации.

Но, кажется, Илья не собирался на этом останавливаться. Войдя во вкус и снова облизнув нижнюю губу, он посмотрел на Дениса и попытожил:

– Уроды, знаете же, что у парня аутизм.

Бурунов, не глядя ни на кого, медленно поднял голову. С отталкивающей и пугающей улыбкой на лице, Денис посмотрел на потолок и медленно проговорил:

– А я то что? Я в драке не участвовал. – И, помолчав, мальчик добавил, глядя на Илью:

– В отличие от тебя. Ты – герой, Рамзин – хулиган. Вы же уже повесили на него ярлык виновного. Как будто этот разговор что-то изменит.

– Денис, Юру в мой кабинет приводят почти каждый день! Но я все равно все случаи школьных потасовок, с его участием или без, разбираю отдельно. Я его не обвиняю заведомо, я лишь хочу разобраться в ситуации. Поэтому все вы здесь. Это уже не шутки. У Рамзина серьезные проблемы.

Бурунов на это только лишь развел руками и снова опустил голову.

А потом тихо произнес:

– Парень засмотрелся и сам врезался в Юру прямо носом. Так все было, я думаю. Даун сам виноват, что не смотрел по сторонам.

– Бурунов! – резко вскрикнул Андрей Константинович, для которого повышать голос было так же нехарактерно, как для черепахи отрастить крылья. – Еще раз так выразишься, и я буду говорить с тобой по-другому.

Алина, чувствуя, как накаляется обстановка, вжалась в диван еще сильнее и в который раз пожалела о том, что вообще сегодня пошла в школу.

– Но это твои приятели, – холодным тоном продолжал Илья, игнорируя оскорбления Дениса и его разговор с Залежным. – А ты стоял в толпе и смотрел. Ты мог им помешать.

В этот момент Бурунов медленно обернулся и посмотрел прямо на Мышкину. Почти моментально девочку сковал холод, и она быстро отвела свой взгляд в сторону.

– Ну, а она вообще подруга этого... аутиста, – весело заявил Денис. – И что-то я не видел, чтобы она вступилась за бедолагу. Смотрела на его избивание так же спокойно, как и все.

– Я не его подруга! – ответила девушка, но осознав, в каком свете она себя выдает, прошептала: – Просто соседка...

К стыду Алины, подросток был прав. Когда Илья влетел в Рамзина и ударил его ногой по лицу, началась новая потасовка. Пока парни обменивались взаимными ударами и давали толпе новую порцию зрелищ, Лева продолжал рыдать на полу, а сама Мышкина лишь смотрела на это со стороны.

Девочка знала о своем малодушии, но ничего не могла с этим поделать. Сверстники и так считали ее странной, а потому лучше было бы лишний раз не высовываться. Да и знакомство со Львом не доставляло Алине особого удовольствия. Просто соседи, никаких обязательств. И все же, она могла вступить за соседа, учитывая обстоятельства.

И это крайне удручало Мышкину.

«Ведь я сразу поняла, что так будет, – думала про себя Алина. – вчерашний рисунок... Я точно знала, что так будет!»

– Слушай, Бурунов, – Илья, посчитав, что подросток переходит границы, процедил сквозь зубы: – Отвали от нее...

– Так, все успокоились, – окинув взглядом всю троицу, произнес Залежный.

– Да что я вообще тут делаю? – Бурунов обратился напрямую к заместителю директора. – Вы с меня за драку хотите спросить или что?

Как бы не хотелось признавать, но в словах Дениса была доля истины. Сокольников бежал, как только запахло жареным. Разговор с Рамзиным оказался почти бессмысленным. Его не пугает ни полиция, ни отстранение от занятий, ни собственное моральное падение.

Лишь упоминание о старшем брате Рамзина, которого пригрозили вызвать в школу, взбесило здоровяка. Андрей Константинович знал, что Игорь Рамзин заменяет Юре родителей, как знал и то, что его методы воспитания были слишком... садистскими. Мысль о том, какие неприятности будут у Юры, когда его брат узнает о случившемся, заставила зам. директора школы нервно сглотнуть ком в горле.

– В общем, подытожим, – предложил Залежный, проигнорировав Бурунова. – К Рамзину будут применены строгие воспитательные меры. Его отстранят от занятий на пару дней, а после он будет выполнять ряд исправительных работ на территории школы. Если семья пострадавшего не напишет заявление в полицию, на что я очень надеюсь, все этим и ограничится. Но Льву Рамзин компенсирует всю сумму материального ущерба. Как минимум – это разбитые очки. Алина, у Лебедева ведь есть только бабушка? Она сможет за ним приехать?

– Я... – девушка отвечала весьма неуверенно, – не думаю. Она очень старенькая, но... – тут Мышкина мельком взглянула на Илью и сказала уже более уверенно: —Я могу проводить его до дома. Мы же соседи.

– Отлично, – с явным облегчением ответил Залежный. – С его бабушкой я поговорю сам. Денис, если еще раз вы тронете этого ребенка, рядом ты был или нет, ты свое получишь. Я знаю, как ты влияешь на эту парочку. Потому ты и здесь. Это не просто школьная драка. Если в администрации узнают о том, что тут издеваются над аутистом, плохо будет всем. А ты, Кустов, подумай о своей репутации. Это правильно, что ты вступился за мальчика, но эта драка будет так же отмечена в твоём личном деле. Тебе нельзя портить имидж. Ты лучший бегун. Гордость нашей школы. А на кону – соревнования. Будешь месяц дежурить после уроков. И обязательно обратись с губой в медкабинет. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – ответил Денис и без разрешения встал со стула и направился к выходу. Напоследок он смерил взглядом Алину и Илью. Первая боязливо смотрела в стену, второй отвечал на взгляд хулигана с вызовом.

– Не бойтесь за Рамзина? – с кривой ухмылкой спросил Бурунов заместителя директора. – Если его брат узнает, что ему придется из своего кармана оплатить очки пацана, он Юру отделает так, как вашему Леве и не снилось. Но куда вам? Тут же все такие благородные!

– Ах ты, тварь! Что ж ты раньше не подумал о Рамзине?

Не отвечая Илье, Бурунов зыркнул в сторону Алины и добавил:

– Еще увидимся.

А после вышел, с силой хлопнув дверь кабинета.

Кустов, сделав жест Алине, словно приглашая ее пойти с ним, тоже направился к выходу. Девушка быстро потрусилась за ним.

– Если администрация узнает, плохо будет всем... – повторил заместитель директора. – Избить аутиста! И это в такое неподходящее время...

Лишь после того, как все ученики покинули кабинет, Залежный открыл нижний ящик стола и пальцами нащупал в его недрах бутылку коньяка.

– Скорее бы этот чертов день закончился, – заключил мужчина и с раздражением резко закрыл ящик стола.

Глава 5

1

– Какого черта он делает?

С этим вопросом Егор Куйбышев, один из новоиспеченных работников городской свалки, обратился не столько к своему напарнику Сергею Никитину, сколько к собственному представлению о человеческом здравомыслии. Вот уже некоторое время глаза новенького наблюдали за картиной, которая не поддавалась никакому логическому объяснению, но которая, видимо, полностью устраивала сидящего рядом коллегу.

Сергей, и правда, не выглядел обескураженным. Его пухлое и красное от жары щетинистое лицо морщилось разве что под гнетом беспощадного солнца. Кажется, это было единственным, что доставляло тучному работнику неудобство. Егор же, напрочь позабыв о жаре, продолжал впиваться взглядом в того, кто являлся предметом его крайнего интереса. Им оказался никто иной, как уже неоднократно упомянутый Николай Набоков. Сегодня он и правда претерпел некоторые изменения, а потому даже бывалые работники городской свалки узнали бы контуженного далеко не сразу.

Калека рассекал свалку в крайне причудливом наряде. На его голове красовался старый потертый боксерский шлем. Видно его было лишь наполовину, потому как нижнюю часть головы Николая, равно как и его шею, скрывал рваный конусовидный воротник, какие ветеринарные врачи используют для животных.

Осенняя ветровка Набокова была застегнута до самого горла. Руки мужчины, поверх ветровки, от запястий и до предплечий были туго перемотаны грязными эластичными бинтами, а на месте локтей красовались выдавшие виды налокотники. Краска на них давно стерлась и была испещрена различными вмятинами и полосами. Огромные строительные перчатки надежно скрывали кисти рук. За спиной свисал старенький рюкзак. В одной руке у калеки была короткая деревянная палка. Ее конец был обвязан свисающими до земли тонкими лесками, которые, в свою очередь, были привязаны к пустым алюминиевым банкам. Банки глухо скакали по земле. Эдакое приспособление, призванное шумом мятого алюминия напугать незваных гостей. В другой руке мужчины была сжата знакомая крюк-палка.

Болоньевые штаны, подвязанные веревкой вместо ремня, также смотрелись несуразно. Завершающая причудливый образ обувь, была апогеем безумия и самым страшным сном любого законодателя мод. Так, одна нога Набокова была обута в старый валенок, измазанный кусками строительной пены, а на месте второй красовался грязный резиновый сапог, обмотанный ржавой провололочной сетью. За мужчиной, строгой колонной, петляла стая дворовых псов.

Именно в таком виде Егор увидел Николая Набокова впервые в своей жизни.

И его удивлению не было предела.

Николай как раз пересекал ту часть территории, где работники периодически устраивали обеденный перерыв на свежем воздухе. Конечно, свежий воздух и городская свалка имели мало общего. Однако за последнее время, вследствие жары, общая столовая превратилась в настоящую парную, а вентилятор, сломавшийся на днях, окончательно погнал всех работяг трапезничать на улицу.

Рабочий день уже подошел к концу. Решив расслабиться, Егор и Сергей устроились на свежем воздухе и медленно распивали по бутылочке холодного пива. Но так, как и здесь температура воздуха достигала критической отметки, Егор сослался на возможные галлюцинации от надвигающегося солнечного удара, потому что увиденное работником все еще противоречило всякому здравому смыслу.

– И тебе совсем нечего сказать? – снова обратился Егор к своему напарнику, когда Николай Набоков скрылся из виду. – Тебе совсем нечего сказать на *это*?!

Сергей, медленно вытерев пот со лба, с улыбкой произнес:

– Ну что тут скажешь? Каждый веселится, как умеет.

– Но это же какой-то безумный чудак!

Тут лицо Сергея резко приобрело серьезное выражение.

– Слушай, Егор, – обратился тучный мужчина к своему коллеге. Тот был довольно молодым тощим парнем и перевелся в бригаду Сергея буквально вчера. – Ты тут человек новенький, поэтому давай я тебе кое-что объясню. Этот мужичок, Коля Набоков, – тут мужчина указал пальцем на то место, где оба работника последний раз видели Николая, – он и вправду по-своему чудак. Раньше то он был нормальным, но потом контузия превратила его в... в Колю. Он безобиден. Его тут все знают и относятся к нему хорошо. Не говори о нем плохо. По крайней мере, не среди ребят. Они найдут, что тебе ответить. И тебе это не понравится.

Явно смущенный, Егор попытался оправдаться и показать, что совсем не имел ввиду ничего такого. Однако все же не удержался и спросил:

– Слушай, я понимаю, человек не в себе и все такое, но... с ним реально нет проблем? Типа вообще? В том плане, что он тут так свободно разгуливает... а если что-то, ну... даже не знаю.

В ответ Сергей посмотрел на своего коллегу с сочувствующим выражением лица.

«Эх, да это ведь ты чудак. Молодой невоспитанный чудак. Для тебя, похоже, форма важнее содержания. Ты вот только утром ныл, что у тебя спина ноет железяки таскать, а Коля такой хлам за раз разгребет, поэтому всем насрать, во что он одет и как выглядит».

Однако, очень быстро на лицо Сергея вернулась добрая улыбка.

– Коля прибился сюда давно. Многие работники приходили и уходили, но Коля тут всегда был, сколько я себя помню. А я тут работаю не первый год, поверь. Без обид, но думаю и тебя наш парень пересидит.

– Да я же без претензий. Я...

– Да я все понимаю. Повторю, Набоков безобиден! Да, он со своими причудами, но он безобиден. Наверное, нашел очередное крысиное логово. Ты же знаешь, какие эти твари пронырливые. Некоторые и вовсе бешеные. Вот он и обмундировался... как умеет. Он, кстати, не потеет. Представляешь? В такую жару, в такой одежке, а с него ни капли пота не упадет, это я тебе точно говорю. И собаки с ним всегда рядом. Они же почти его родня. Весь выводок, считай, сам выходил. Только его и слушают. Да, все это точно из-за крыс. Раньше мы отраву раскидывали от этих паразитов, но в итоге псы сжирали мелких гадов и травились. Вот Коля сам тут их и гоняет. Такие дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.